

ПРАВЕДНАЯ СОФИЯ СЛУЦКАЯ

(+1612)

*Разве ты менее рыцарь, чем гордый
супруг твой великий?*

Соломон Рысинский

На кладбище наконец-то собрались все родственники, самых разных вероисповеданий, даже те, кто не приходил на отпевание. Многие вполголоса переговаривались между собой, обсуждая последние новости.

«София... София... София», — слышался то в одной, то в другой группе взволнованный шепот. При этом все смотрели не на вдову покойного Яна-Симеона — бездетную княгиню Софию из рода Мелецких, а на стоявшую в тесном окружении Ходкевичей маленькую, серьезную девочку со свечой в руке.

Со смертью дяди, которого православные родственники звали Симеоном, а католики — Яном, семилетняя княжна София стала наследницей всего огромного состояния Слуцких князей Олельковичей. Эта красивая кареглазая девочка в черном платье с кружевами была теперь чуть ли не самой богатой невестой во всей Речи Посполитой.

Многие из участников траурной церемонии хорошо помнили ее родителей: Слуцкого князя Юрия Юрьевича и его жену Барбару. Кто-то был у них гостем на свадебном пиру, другие — в числе приглашенных на крестины их единственной дочери.

София с младенчества росла без родителей и унаследовала одну треть всего родового состояния Олельковичей, разделенного ее дедом между тремя сыновьями.

Оба дяди Софии умерли молодыми так же неожиданно, как и ее отец. В июне 1591 года ушел из жизни двадцативосьмилетний Александр, вслед за ним — меньше чем через год — и Ян-Симеон. Оба они не имели детей, и Софии, как единственной наследнице, перешли все обширные земли Слуцкого княжества.

Семилетняя княжна была последней из прямых потомков великого князя Ольгерда по линии киевских князей Олельковичей.

По завещанию деда, помимо Слуцка, София унаследовала и большое Копыльское имение с замком и окружавшими его селами, а также имения Тимковичи, Омговичи, Семежево, Дороги, Савичи, Старицу, Быстрицу и многие другие.

И вот теперь обо всем этом, кивая на маленькую княжну Слуцкую и Копыльскую, шептались собравшиеся на кладбище люди, которые все так или иначе приходились друг другу близкими или дальними родичами.

София стояла в группе родственников по материнской линии, и ее демонстративно держал за руку Юрий Ходкевич. Он приходился княжне двоюродным дядей, хотя по возрасту и цветущему виду вполне мог бы сойти и за старшего брата.

Юрию было двадцать лет, а он уже был жемайтйским старостой, и все говорили, что этот из Ходкевичей точно далеко пойдет. Несмотря на молодость, именно Юрий Ходкевич был официально назначен опекуном княжны Софии, а значит, именем племянницы до ее совершеннолетия будет получать огромные доходы с земель Слуцкого княжества. Во время траурной процессии он стоял, опустив голову, и кому-то показалось — лишь для того, чтобы скрыть довольную улыбку...

Навряд ли София Слуцкая помнила отца, которого лишилась еще в младенчестве, но наверняка знала о нем по рассказам. И уже точно была наслышана от окружающих о своем деду Юрии Юрьевиче Олельковиче-старшем, известном во всей Литве как ревнитель православной веры. При нем в середине XVI века Слуцкое княжество стало центром просвещения.

Под покровительством Юрия Юрьевича-старшего в Троицком монастыре Слуцка обосновался осужденный в Москве на соборе 1554 года бывший игумен Свято-Троицкого монастыря Артемий, человек книжный и очень деятельный. Благодаря стараниям игумена Артемия при

Слуцком Свято-Троицком монастыре (его также называли Тройчанским монастырем или Тройчанами) открылась школа, а позже — и православная семинария, была собрана хорошая библиотека и появилась своя типография.

В одном из писем 1581 года посланный на Русь иезуит Антоний Поссевин сообщает, что «князья русские, каковы например Слуцкий и Острожский, имеют свои типографии и школы, которыми далеко и широко распространяется схизма» — так он называет православную веру. Значит, в это время и школой, и типографией уже активно занимался Слуцкий князь Юрий Юрьевич-младший, отец Софии.

Он тоже был человеком щедрым и широким, пожертвовав в Благовещенскую церковь Слуцкого Свято-Троицкого монастыря настоятельский посох из чистого серебра. В течение двух лет отец княжны собственноручно переписывал Евангелие, после чего велел изготовить для книги бархатный переплет, украсил оклад драгоценными камнями и преподнес ее в дар Слуцкому Свято-Троицкому монастырю. Его рукописное Евангелие сохранилось и до наших дней.

В своем духовном завещании дед Софии велел троим своим сыновьям опекать Свято-Троицкий монастырь и твердо держаться Православия. Но лишь старший его сын Юрий выполнил этот наказ — младшие в силу разных причин перешли в католичество.

Частью родового наследства княжны Софии была фамильная икона Покрова Божией Матери в золотой ризе, с которой девочка никогда не расставалась. Наверняка в доме были и другие оставшиеся от отца и деда православные иконы и книги.

О детских годах княжны Софии известно немного.

Примерно с семилетнего возраста, после смерти дяди Яна-Симеона, она переехала жить в Вильну, в дом к своему опекуну Юрию, в родовое гнездо Ходкевичей.

Католический священник из Кельна, некий Браун, описывая столицу Литовского княжества в XVI веке, обращает внимание на интересную особенность: «В Вильне много храмов каменных, а некоторые деревянные. Последователям разных религий дозволяется каждому держать-ся своего вероисповедания».

Действительно, в Вильне XVI века на улицах и площадях по соседству, которое не всегда было мирным, стояли православные храмы, католические костелы и протестантские богослужебные дома. При каждом из них были свои школы, типографии, учителя и проповедники разных вероисповеданий вели среди горожан борьбу за свою паству.

Брауна неприятно удивили крепкие православные традиции в Вильне и большое количество верующих в православных храмах. «Религию

в этом городе исповедуют особенную, удивительную. Литургию в храмах слушают с великим благоговением. Священник, совершающий великое Таинство, находится за расprostертой завесой, которая его закрывает. И когда эта завеса отодвигается, трудно выразить, с каким усердием и сокрушением предстоящие ударяют себя не только в грудь, но и в лицо», — отметил Браун, имея в виду православную традицию осенять себя во время службы широким крестным знаменем.

Укреплению Православия в Литовском княжестве в свое время немало поспособствовала Елена (дочь московского царя Ивана III и знаменитой гречанки Зои-Софьи Палеолог), в конце XV века выданная замуж за великого литовского князя Александра Казимировича, ставшего потом королем Польским.

Много интриг плелось вокруг великой княгини Елены, чтобы склонить ее принять католичество, но она осталась непреклонной. При заключении брака Елена взяла с мужа клятвенное обещание «содержать греческий закон, не нудить ее к римскому закону».

Судьба княгини-королевы Елены, похороненной в Пречистенском соборе в Вильне, как в далеком зеркале, отразилась в жизни многих православных в Литве, в том числе и Софии Слуцкой.

Юрий Ходкевич, опекун княжны Софии, человек энергичный и амбициозный, с молодости вершил свои дела по-крупному.

Над Ходкевичами давно висел крупный денежный долг перед литовскими магнатами Радзивиллами, и предприимчивый опекун придумал, как можно с ними расплатиться без денег. Он отдал под «залог» княжну Софию, владелицу колоссального наследства, документально оформив сделку, что по достижении брачного возраста его подопечная будет выдана замуж за Януша Радзивилла. Эта сделка была выгодна Радзивиллам, так как обещала в скором времени значительно приумножить их и без того огромные земельные владения.

До закрепленной в литовском трибунале даты бракосочетания — 6 февраля 1600 года — оставалось еще шесть лет, и навряд ли София догадывалась, какие крупные финансовые дела вершатся у нее за спиной.

Ее наследство делили между собой два клана литовских магнатов — Ходкевичи и Радзивиллы, владевшие в Литве многочисленными замками, землями и целыми городами и связанные между собой запутанным родством.

В середине XVI века к противостоянию Ходкевичей-Радзивиллов добавились и религиозные разногласия.

Европа в тот период переживала движение Реформации, и многие представители литовской знати, обучавшиеся в немецких университетах, тоже увлеклись протестантизмом. В Литве особенно прижился и вошел в моду кальвинизм с идеей господства аристократической верхушки.

Одним из убежденных сторонников новой религии стал Виленский воевода и литовский канцлер князь Николай Радзивилл Черный. Он сделался активным пропагандистом идей Кальвина во всей Литве: его семья, слуги во всех имениях под его нажимом обратились в кальвинизм. На площади Вильны на свои средства он воздвиг каменный кальвинистский храм и открыл протестантскую школу, куда приглашал преподавать учителей из Европы.

После его смерти пропагандой кальвинизма с не меньшим рвением занялся его двоюродный брат Николай Радзивилл Рыжий, а затем и его сын — Христофор Николай («Перун»), прославившийся как щедрый меценат писателей и богословов-протестантов. Вот за его-то сына Януша, выросшего в среде убежденных кальвинистов, и была заочно «сосватана» княжна София.

Приверженцы кальвинизма ратовали за свободу от Церкви и обрядов, высмеивали православных и католических священников, воспевая культ разума.

«Наиболее выдающееся у человека — разум... Однако разум порождает такую борьбу и разнообразие мнений и суждений между людьми, что едва осмелишься утверждать, что он возник из одного источника», — писал Соломон Рысинский, близкий друг Януша и придворный литератор Радзивиллов.

Многие литовские аристократы в середине XVI века ударились в кальвинизм, видя в нем нечто передовое, смелое, свободное от всяких условностей.

Но после заключения унии с Польшей мода на кальвинизм в Литве заметно пошла на спад.

В 1569 году на сейме в городе Люблине был составлен акт о вечной унии между Литовским княжеством и Польским королевством, образовавшими единое государство — Речь Посполитую. Правитель избирался сообща на общем сейме, состоявшем из светской знати, католического духовенства и шляхты обоих государств. Внешней и внутренней политикой Речи Посполитой ведал общий сенат («паны рада») и два трибунала — королевский и литовский.

После подписания унии с католической Польшей быть протестантом для литовских аристократов стало невыгодно и уже не так интересно.

Религиозные брожения в Литве XVI века можно проследить на примерах из рода литовских магнатов Ходкевичей.

Гетман Григорий Александрович Ходкевич изначально был православного вероисповедования: именно в его имении Заблудово укрылись бежавшие из Москвы в русскую Литву первопечатник дьякон Иван Федоров и его сотрудник Петр Тимофеевич Мстиславец. На привезенном ими типографском оборудовании в Литве было напечатано «Евангелие учительное», на

обратной стороне титульного листа которого красуется фамильный герб Ходкевичей — серебряный гриф с черным клювом и когтями с мечом в правой лапе.

Позднее Григорий Ходкевич вслед за своими братьями Иеронимом и Юрием ударился в кальвинизм.

Старший его брат, Иероним Ходкевич, сначала был католиком, потом — лютеранином, а под конец жизни снова вернулся в католичество, велел похоронить себя в костеле Святого Станислава.

Иероним отправил своего сына Яна на учебу в Виттенбергский университет, откуда тот вернулся убежденным протестантом. Но когда после подписания Люблинской унии в Вильне широко развернул свою деятельность католический орден иезуитов, Ян побывал на диспутах с латинскими проповедниками и перешел в католичество.

Теперь трудно сказать определенно, какую веру исповедовали племянники Яна Иеронимовича — Иероним и Юрий Ходкевич, молодой опекун княжны Софии. Они оба прошли обучение в иезуитском колледже, приняв римско-католическую веру, а дальше...

Известно, что в 1594 году Юрий Ходкевич женился на Софии Радзивилл, убежденной кальвинистке — возможно, к тому времени он уже и сам увлекся новыми доктринами.

Какое отношение все это имело к княжне Софии? Самое непосредственное, ведь она в наибо-

Праведная София Слуцкая

лее восприимчивом возрасте жила и воспитывалась в доме Юрия Ходкевича. А значит, обедала с ним, его супругой и друзьями за одним столом, слушала их рассуждения на религиозные темы. Но маленькую княжну это словно не касалось, обходило стороной, и она с детства хранила верность Православию, как ее отец и дед.

Молодой честолюбивый опекун Софии делал стремительную карьеру: в 1594 году он стал маршалком (почетным представителем) литовского трибунала, что давало ему возможность еще больше размахнуться в своих планах. Но им не суждено было сбыться: 26 октября 1595 года Юрий Ходкевич скоропостижно скончался в возрасте примерно двадцати пяти лет.

После его смерти опекуном княжны Софии официально был назначен его старший брат Иероним, виленский каштелян (комендант замка) и брестский староста. Своей подписью он подтвердил в литовском трибунале все договоренности выдать свою подопечную, по достижении ей брачного возраста, замуж за Януша Радзивилла.

В 1596 году в литовском трибунале началась длительная тяжба между Христофором Радзивиллом («Перуном») и двумя Ходкевичами, Александром и Яном-Каролем, по поводу имения Копысь под Оршей.

Со стороны Радзивиллов выступал отец будущего жениха Софии, со стороны Ходкевичей — двоюродные братья ее опекунов.

По решению литовского трибунала имение Копысь, исконно принадлежавшее Слуцким князьям, перешло к Радзивиллам. Но, после того как Ян-Кароль Ходкевич взял в жены княгиню Слуцкую из рода Мелецких (вдову Яна-Симеона, одного из дядей княжны Софии), он надеялся вернуть себе утраченные владения. Речь идет о том самом гетмане Ходкевиче, который в 1612 году будет участвовать в битвах под Москвой с ополчением князя Дмитрия Пожарского, — но пока его воинственный пыл проявлялся в имущественных спорах.

Тяжба между Ходкевичами и Радзивиллами растянулась на несколько лет, и враждующие стороны становились все более непримиримыми. Тем временем приближалась дата исполнения брачного договора...

Историки до сих пор не пришли к единому мнению: знала ли княжна София о своем предстоящем замужестве? По некоторым данным, молодой князь Януш виделся с Софией Олелько в доме ее опекуна Юрия Ходкевича, и, значит, они могли об этом говорить.

Другие исследователи обращают внимание на тот факт, что документально подтверждена лишь одна попытка Януша посетить Софию в Берестье — по дороге в Венгрию 19 сентября 1598 года. Причем по воле опекуна княжны Софии (тогда это уже был Иероним) их встреча так и не состоялась. Факт этот толкуют по-разному,

в том числе и как стремление опекуна скрыть от Софии существование брачного договора, заключенного под крупный денежный залог.

Тем временем взаимные имущественные претензии представителей двух кланов литовских магнатов достигли своего пика: обе стороны стали готовиться к войне. В конфликт уже был втянут и второй опекун Софии, Иероним Ходкевич. Враждующие стороны пытались примирить даже послы короля и киевский униатский митрополит Ипатий Потей, но только подлили масла в огонь.

Зимой 1600 года в Вильне стало собираться войско Радзвиллов — не менее шести тысяч хорошо вооруженных ратников. Иероним Ходкевич тоже превратил свой дом в крепость, вооружив до двух тысяч челяди и выставив на крыше замка двадцать четыре боевых орудия.

Теперь княжне Софии наверняка стали известны подробности заключенного ее опекунами брачного договора. Со всех сторон ей твердили: согласие на брак может остановить кровопролитие...

Никто не узнает, чего стоило юной набожной княжне принять такое решение. Она не стремилась к замужеству, и уж тем более не мечтала о муже-протестанте. К тому же между ней и Янушем была доля родства, и от этого брака она не ждала ничего хорошего, а возможно, имела дурные предчувствия.

Накануне сражения, желая остановить кровопролитие, София все-таки дала свое согласие. Как сказано в ее житии, «во имя мира приняла подвиг крестоношения в браке».

Как тут не вспомнить православную миролюбивую княгиню-королеву Елену, которая за сто лет до этого всеми способами старалась погасить разгоревшуюся войну Литвы с Москвой и слезно писала отцу Ивану III:

«Вся вселенная не на кого другого, только на меня вопиет, что кровопролитие случилось от моего в Литву прихода, будто я к тебе пишу, привожу тебя на войну... Сжался над своей дочерью. Возьми по старому любовь и дружбу с братом и зятем своим: тогда ты не только мне учинил бы веселие, но и церквам Божиим благосостояние и святителям греческого закона мирное единение и всем людям греческого и латинского закона радость и мне великое в греческой вере утверждение».

Венчание Софии Олелькович и Януша Радзивилла состоялось 1 октября 1600 года в одном из соборов Бреста.

При заключении брака София выдвинула мужу условие: он не должен препятствовать ей свободно исповедовать православную веру и, по завещанию деда, продолжать опекать Слуцкий Свято-Троицкий монастырь.

Молодожены поселились в Слуцке, в то время одним из крупных городов Речи Посполитой.

Русский паломник и путешественник дьякон Трифон Коробейников в своих путевых заметках сообщает некоторые сведения о Слуцке в конце XVI века: «Торги в городе Слуцке больше и лучше, чем в Минске... А в воротах и в остроге стоят воротники и стрельцы с рушницами, иноземца не сказав в острог не пустят». Острог — этот как раз тот самый старейший город на правом берегу реки Случ, где стоял княжеский замок Олельковичей и находилась торговая площадь.

При содействии княгини Софии в Слуцке было учреждено Преображенское православное братство, с новой силой заработала типография и школа. Историки называют православные братства стихийно возникшим «органом православной соборности» в сопротивлении униатам.

По Брестской унии 1596 года в Литве у православных повсюду стали отнимать храмы и монастыри, крещение, венчание, погребение было положено совершать только с согласия католического ксендза за установленную плату.

О бесправном положении православных братств можно судить по эпизоду, который произошел в Вильне на Пасху 1598 года.

В Светлое Воскресение во время литургии в православном храме появилась толпа студентов иезуитских колледжей. Они стали толкать и теснить богомольцев, не допуская их к Святому Причастию, «слова нестыдливые молвить». Дело дошло до драки, в ходе которой католики

выбили все стекла в школе братства, разгромили типографию.

В суде жалобу на зачинщиков погрома не приняли, дело было вынесено в литовский трибунал. На состоявшемся 5 мая заседании судьи посоветовали «виленским братчикам» обратиться в королевский суд в Варшаве, зная, что и там они не найдут правды.

Княгиня София Слуцкая-Радзивилл убедила мужа выхлопотать у короля Польши грамоту, которая запрещала принуждать подданных Слуцка к унии. «Чтобы церкви, архимандриты, игумены, монастыри и братства в княжестве Слуцком и других владениях на вечные времена неприкосновенно, без всякой перемены были сохраняемы в совершенной свободе своего богослужения... уния в эти церкви не должна вводиться никаким насильственным или измышленным способом», — говорится в этом документе.

Слуцкое княжество стало в Литве как бы «свободной зоной» от Брестской унии, где православные священники без опаски служили в храмах, ходили по домам больных со Святыми Дарами и не должны были хоронить единоверцев под покровом ночи.

Княгиня София много занималась благотворительной помощью бедным, вышивая своими руками тяжелые златотканые священнические ризы, и отдавала их в дар церквям. На территории Бобруйского уезда на средства четы

Праведная София Слуцкая

Радзивиллов был построен Покровский храм, куда они, как и в другие церкви Слуцкого княжества, отправляли богатые пожертвования.

Но вот семейная жизнь княгини Софии складывалась горестно. Ее дети умерли во младенчестве: в 1604 году — сын Николай, в 1608 году — дочь Екатерина.

Сама София умерла во время родов мертворожденной дочери 19 марта 1612 года в городе Омельно.

По завещанию, составленному в Новогрудском суде, обширные владения княгини Софии, включающие семь крепостей и дворцов и около тридцати двух деревень, отошли к Янушу Радзивиллу.

Княгиню Софию Радзивилл похоронили в Слуцкой Свято-Троицкой церкви рядом с ее отцом, сделав на внешней стороне крышки гроба надпись: «1612 год, марта 19, представилася благоверная София княжна Слуцкая Олельковна Юрьевичовна Ольгердово племя и положена бысть в монастыре Святой Живоначальной Троицы».

Смерть княгини Софии во цвете лет поразила многих, кто ее знал.

«О! Приносящая счастье душа, избылье достоинств», — написал о ней поэт Соломон Рысинский, друг ее мужа. В его «Жалобной песни», или «Эпитафии Софии Олельчиц, княгине Слуцкой, похороненной в Слуцком монастыре в 1612 году», есть и такие проникновенные слова:

Звездочка! Ты сохранилась в созвездии
  Слуцком едина
Между литовскими славой ярчайшая
  первая дочь!
Разве ты менее рыцарь, чем гордый
  супруг твой великий?
Сила какая, нагрянув неожиданно,
  тебя унесла?

Януш Радзивилл по-рыцарски хранил верность всем данным супруге обещаниям, впоследствии закрепив их и в своем завещании: «Церкви и монастыри религии старорусской во владениях моих по-прежнему должны сохраняться и потомки должны следить, чтобы не произошло в том никакой перемены».

По этому завещанию несколько поколений Радзивиллов не вмешивались в религиозную жизнь Слуцкого княжества и не пытались силой насадить здесь католичество — эти земли как бы оставались владениями православной княгини Софии. Историки отметили и такой факт: со времени заключения «миротворческого брака» Софии с Янушем все конфликты между Радзивиллами и Ходкевичами разрешались исключительно мирным путем.

София Олелькович-Радзивилл прожила на земле всего 25 лет, 10 месяцев и 8 дней.

Какая короткая жизнь — и такая долгая, на много веков о ней память.